

Orphanages on the National Outskirts of the Russian Empire: the Experience of the Syrdarya Regional Guardianship in Russian Turkestan

---

Svetlana N. Brezhneva

Pushkin Leningrad State University. Saint Petersburg, Russia. Email: [brezhneva_s_n_\[at\]mail.ru](mailto:brezhneva_s_n_[at]mail.ru)
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7637-2949>

Received: 18 April 2023 | Revised: 14 July 2023 | Accepted: 28 July 2023

Abstract

Issues of charity, and in particular, orphanhood, were among the priorities of Russia's imperial policy, which sought to extend these to the Turkestan Governor-Generalship established in 1867. This article analyzes the problems that arose in the Syrdarya regional guardianship and Tashkent orphanages at the turn of the 19th to 20th century. These problems concerned all aspects of children's lives. The paper is based on archival material introduced into scientific circulation for the first time. The research itself is grounded in the theory of frontier modernization, which stipulates the Russian Empire's ambition to upgrade its national suburbs, raising them to its own level.

In the territory of the Syrdarya region there was the capital of the Turkestan Governor-Generalship situated – the city of Tashkent, where two orphanages operated under the Department of the Institutions of Empress Maria. As a result of the efforts made by the Syrdarya regional guardianship from 1895 to 1917 in the Kaufman and Alexander orphanages, the number of children cared for increased, supplies improved, new houses were built, the territory of the houses was expanded to include gardens and vegetable patches, and the medical care improved. By teaching children physical labor, educators contributed to the social adaptation of orphans. The only aspect that could not be ameliorated, and thus became a major issue for the department of young children of the Kaufman Orphanage, was a very high infant mortality rate, which continued to rise over the years.

Keywords

Russian Empire; Turkestan Governor-General; Syrdarya Regional Guardianship; Tashkent; Kaufman Orphanage; Alexander Orphanage; Labor Education; Training System; Internal Regulations; Sanitary and Medical Condition

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Детские приюты на национальной окраине Российской империи: опыт работы Сырдарьинского областного попечительства в Русском Туркестане

Брежнева Светлана Николаевна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия
Email: [brezhneva_s_n_\[at\]mail.ru](mailto:brezhneva_s_n_[at]mail.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7637-2949>

Рукопись получена: 18 апреля 2023 | Пересмотрена: 14 июля 2023 | Принята: 28 июля 2023

Аннотация

Вопросы благотворительности, и в частности, детское сиротство, являлись одним из приоритетных направлений имперской политики России, которое она стремилась распространить на Туркестанское генерал-губернаторство, созданное в 1867 году. В статье на архивном материале, впервые вводимом в научный оборот, разбираются проблемы, возникающие в Сырдарьинском областном попечительстве и ташкентских детских приютах на рубеже XIX-XX в., касающиеся всех аспектов жизни детей. В основе исследования лежит теория фронтирной модернизации, предусматривающая стремление Российской империи усовершенствовать свои национальные окраины, подняв их до своего уровня.

На территории Сырдарьинской области находилась столица Туркестанского генерал-губернаторства – город Ташкент, где функционировали два детских приюта, относившихся к Ведомству учреждений императрицы Марии. В результате проведенной с 1895 по 1917 год работы Сырдарьинского областного попечительства в Кауфманском и Александровском приютах увеличилось число призреваемых детей, улучшилось снабжение, были построены новые дома, расширена придомовая территория, где располагались сады и огороды, улучшилось медицинское обслуживание. Приучая детей к физическому труду, воспитатели тем самым способствовали социальной адаптации сирот. Единственно, чего не удалось достичь и что составляло большую проблему отделения малолетних детей Кауфманского приюта – это очень высокая смертность младенцев, которая с годами прогрессировала.

Ключевые слова

Российская империя; Туркестанское генерал-губернаторство; Сырдарьинское областное попечительство; Ташкент; Кауфманский детский приют; Александровский детский приют; трудовое воспитание; система обучения; внутренний распорядок; санитарно-медицинское состояние

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В политике России периода империи огромное внимание уделялось вопросам благотворительности. Эти проблемы находились в компетенции «Собственной ее императорского величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии», названной по имени супруги Павла I и матери Александра I и Николая I Марии Федоровны, активно занимавшейся благотворительной деятельностью. После ее смерти в 1828 году дело благотворительности продолжила супруга Николая I Александра Федоровна, которой и принадлежала идея создания детских приютов, ставших составной частью канцелярии. В 1838 г. для координации всех детских приютов, находившихся в разных городах, учреждается Комитет главного попечительства детских приютов. 27 декабря 1839 г. было принято Положение о детских приютах, разработанное сановниками комитета и «Высочайше» утвержденное Николаем I (ПСЗ-2, т. XIV, № 13031).

Согласно Положению, основной целью приютов являлось предоставление детям временного убежища и начального образования при сохранении их связи с семьей. Принимать детей в приют должны были бесплатно, либо за счет благотворителя, при этом пол, возраст, социальное положение значения не имели. Ребенок обязательно проходил медицинский осмотр и обеспечивался одеждой и питанием. Высший надзор за детскими приютами в Санкт-Петербурге осуществлялся Комитетом главного попечительства детских приютов, в губерниях и уездах эти функции выполняли соответствующие попечительства.

Туркестанское генерал-губернаторство, созданное в 1867 году, как национальная окраина Российской империи, должно было развиваться в рамках имперского законодательства. В свете фронтальной модернизации туркестанские земли со временем должны были достичь уровня своей метрополии. Поэтому усилия столичных властей были направлены в том числе и на распространение Положения о благотворительности на присоединенные территории.

В настоящем исследовании предпринята попытка показать работу Сырдарьинского попечительства детских приютов Туркестанского генерал-губернаторства в русле проводимой имперскими властями фронтальной модернизации национальной окраины. Данная проблема является новой для научного осмысления и призвана заполнить образовавшуюся в современной отечественной историографии лакуну. В настоящее время имеется довольно большое количество исследований, посвященных региональному аспекту работы попечительств детских приютов (Дашкевич, 2018; Заколотная, 2011; Ковалева, 2008; Морозова, 2014; Савчук, 2006; Селютина, 2014; Сиренко, 2008; Слугина, 2012). Однако история становления и развития детских приютов Туркестанского генерал-губернаторства остается неразработанной, за исключением нескольких трудов, появившихся совсем недавно (Аликеева, Шахиева &

Саятова, 2017; Брежнева, 2023). Однако в приводимых статьях акцент сделан на рассмотрении деятельности Семиреченского попечительства. В статье И. В. Волкова сделан важный для нашего исследования вывод о том, что «русская власть в Туркестанском крае уделяла серьезное внимание проблеме общественного призрения беднейших слоев населения, и особенно детского сиротства» (Волков, 2017, 142).

Исследование основано на материале Российского государственного исторического архива, впервые вводимом в научный оборот. Автором были просмотрены и проанализированы все отчеты Сырдарьинского попечительства с 1896 (когда приюты были переданы в ведомство императрицы Марии) до 1916 года, когда в связи с начавшимися революционными событиями деятельность попечительства и детских приютов прекращается.

Создание и развитие первых детских приютов на территории Сырдарьинской области

В Туркестанском генерал-губернаторстве, в силу отдаленности от центра империи, детские приюты стали создаваться намного позже центральных губерний Российской империи. Первый генерал-губернатор Туркестанского края К. П. фон Кауфман большое внимание уделял нищенствующим сиротам, которых особенно много было среди оседлого населения в силу того, что кочевники пользовались призрением родовых сообществ.

В Ташкенте в 1878 году был создан приют, носивший имя «начальника края». Кауфман являлся «почетным попечителем» детского приюта, в котором дети, проживая, получали, помимо питания и медицинского обслуживания, азы первоначального обучения. Кроме того, они обучались наиболее распространенным ремеслам, чтобы по выходе из приюта иметь возможность зарабатывать себе на жизнь.

В Российской империи детские приюты относились к ведомству императрицы Марии Александровны, основанному супругой Александра II. В Положении о детских приютах, утвержденному в июле 1891 г., утверждалось, что целью их является «призрение бедных обою пола детей без различия звания, вероисповедания, сословия и происхождения и доставление им религиозно-нравственного воспитания и первоначального образования» (ПСЗ-3, т. XI, № 7930). В Положении также отмечалось, что в детские приюты ведомства учреждений императрицы Марии помимо сирот могли быть приняты и дети из бедных семей, чьи родители не имели возможности содержать их. Было установлено, что детскими приютами должна руководить Канцелярия по управлению детскими приютами ведомства учреждений императрицы Марии, состоящая при Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Утверждена была структура учреждений императрицы Марии, прин-

ципы их деятельности, состав управления, обязанности попечительств о приютах и их членов, источники финансирования и т.п.

Однако само принятие данного Положения не означало, что все детские приюты механически переходили в ведомство. Они должны были проходить длительную процедуру законодательного утверждения. В начале ноября 1895 г. главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией граф Н. А. Протасов-Бахметев во всеподданнейшем докладе ходатайствовал о принятии Ташкентского детского приюта имени Кауфмана в ведомство учреждений императрицы Марии, что и было сделано (ПСЗ-3, т. XV, № 12103). В конце 1896 г. ту же процедуру прошел Ташкентский Александровский детский приют, появившийся в 1882 году (ПСЗ-3, т. XVI, № 13518).

Сырдарьинское попечительство детских приютов, его задачи и деятельность

Для руководства приютами в Туркестане были введены областные попечительства, которые формально возглавляли военные губернаторы. Кауфманский и Александровский приюты были причислены к Сырдарьинскому областному попечительству, созданному еще в 1878 году. С вступлением двух приютов в ведомство императрицы Марии (с 1895 г.) работа Сырдарьинского попечительства принимает систематизированный характер. В конце каждого года попечительство обязано было отчитываться перед ведомством о своей работе.

Деятельность попечительства по заведыванию детскими приютами заключалась:

- в изыскании средств на содержание данных приютов;
- в рассмотрении различных хозяйственных вопросов, ходатайств о приеме в приюты детей;
- «в изыскании способов наилучшего содержания приютов и санитарном их благоустройстве;
- в заботах по обеспечению участи окончивших свое воспитание питомцев приютов» и др. (РГИА, 1902, л. 3об.).

Для обсуждения этих дел, а также рассмотрения денежных и других отчетов члены попечительства собирались на особые заседания, число которых варьировалось в зависимости от рассматриваемых вопросов (от 4 до 6 и более).

В марте 1896 года главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по ведомству учреждений императрицы Марии Александровны граф Н. А. Протасов-Бахметев в своем всеподданнейшем докладе порекомендовал ввести в состав Сырдарьинского попечительства детских

приютов помощника губернатора области, областного инспектора народных училищ, а также двух членов, назначаемых по усмотрению туркестанского генерал-губернатора. На это был получен утвердительный ответ императора Николая II (ПСЗ-3, т. XVI, № 12591).

Председателем Сырдарьинского попечительства был назначен губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Николай Иванович Корольков (РГИА, 1897–1900, л. 3). В личный состав Сырдарьинского областного попечительства входили Советник Сырдарьинского областного правления, коллежский советник А. Н. Ильинский и инспектор народных училищ Туркестанского, края статский советник С. М. Граменицкий, сыгравший видную роль в туркестанском образовании и находившийся в составе попечительства до конца его существования (РГИА, 1897–1900, л. 4). В 1912 г. в состав попечительства также был включен хивинский хан Мухаммад Рахим-хан II (РГИА, 1912, л. 6 об.).

Директором Кауфманского приюта 10 октября 1897 года был утвержден И. М. Софийский, работавший вплоть до своей смерти в марте 1900 года (РГИА, 1897–1900, л. 47) затем его сменил И. И. Крюков (РГИА, 1904, л. 6 об.). С 1905 года директором приюта стал сын И. И. Крюкова – В. И. Крюков (РГИА, 1905, л. 1). В 1906 году директором был назначен Василий Никитич Пугасов (РГИА, 1906, л. 3). Смотрительницей являлась О. П. Михайловская, занимавшая эту должность еще до перехода приюта в ведомство императрицы Марии. 23 февраля 1898 года ее сменила вдова врача О. К. Новгородская, окончившая курс Омской женской гимназии (РГИА, 1897–1900, л. 20 об.). Директором Александровского приюта с 26 июля 1897 года бессменно являлся И. А. Порцев (вплоть до революции) (РГИА, 1897–1900, л. 4 об.). Смотрительницей была Л. П. Доброхотова, назначенная на эту должность 21 августа 1897 года.

Кауфманский детский приют помещался в собственном одноэтажном доме по Лагерному проспекту (в 1899 году переименованному в Пушкинскую улицу) в центре города, в лучшей его части, вблизи отделений государственного и Волжско-Камского коммерческого банков. Приюту принадлежала также загородная территория недалеко от села Никольского.

Александровский детский приют долгое время размещался в частной квартире, занимая 5 комнат, за аренду платили 600 рублей в год (РГИА, 1897–1900, л. 2 об.). В 1898 году по ходатайству директора Александровского приюта И. А. Порцева было принято решение о строительстве собственного здания для приюта (РГИА, 1897–1900, л. 20 об.). В августе 1900 года приют обзавелся собственным одноэтажным помещением, расположенным на Андижанском проспекте напротив ремесленного училища. Стоимость постройки обошлась в 9152 р. 50 коп., не считая стоимости участка земли, занимаемого приютом, в 1,5 десятины, который оценивался в 36000 р. (РГИА, 1897–1900, л. 54).

В 1902 году сырдарьинское попечительство детских приютов продолжало свою работу под председательством сырдарьинского военного губернатора Н. И. Королькова.

Помимо С. М. Граменицкого и А. Н. Ильинского, в состав попечительства входили помощник военного губернатора Сырдарьинской области действительный статский советник П. И. Хомутов, советник Сырдарьинского областного правления коллежский асессор, историк и этнограф по Средней Азии И. И. Гейер, ташкентский городской голова полковник В. Ф. Киселев и другие высокопоставленные лица (РГИА, 1902, л. 1). В том году почетным старшиной Кауфманского детского приюта с соизволения императрицы Марии Федоровны был назначен отставной капельмейстер Санкт-Петербургских императорских театров Вячеслав Иванович Михалек (РГИА, 1902, л. 3 об.). В декабре 1912 года им был устроен концерт в пользу Кауфманского приюта, с которого было выручено 160 р. 79 коп. (РГИА, 1912, л. 2).

Оба приюта имели свои одноэтажные здания. Кауфманский приют находился на Пушкинской улице в центре города, а Александровский – на Гоголевском (бывшем Андижанском) проспекте (РГИА, 1902, л. 4). Ввиду того, что в 1903 году число детей в Кауфманском приюте колебалось от 64 до 70, помещение приюта уже не могло вместить всех желающих. Поэтому на заседании Сырдарьинского попечительства было принято решение о расширении помещения приюта на 30 кроватей, к чему должны были приступить с 1904 года (РГИА, 1903, л. 3). Новое здание на 30 кроватей было выстроено в срок, к тому же были созданы новые службы для прислуги, на что было затрачено 4140 р. (РГИА, 1904, л. 3). Кроме того, был произведен капитальный ремонт старых зданий, что обошлось в 1244 рублей. В кухне была поставлена выписанная на собранные директором пожертвования железная плита, которая не требует постоянного ремонта. Были приобретены особые столы для пеленания грудных детей. По отзывам лиц, посещавшим приют, в нем царит домашняя обстановка, дети обуты, одеты, сыты. Именно такую точку зрения высказали посетившие приют в 1904 году туркестанский генерал-губернатор Н. А. Иванов с супругой (РГИА, 1904, л. 3 об.).

Однако число призываемых в приюте детей продолжало расти. В 1905 году оно колебалось от 73 до 80 (РГИА, 1905, л. 4).

Помещение Александровского приюта также нуждалось в реконструкции, т. к. из-за недостатка мест (помещение не могло вместить более 16 детей) приходилось отказывать беднейшим жителям города. В 1905 году была сделана пристройка из двух комнат к основному корпусу. Таким образом помещение было подготовлено к приему 30 детей (РГИА, 1905, л. 4).

С августа 1906 года Сырдарьинское областное попечительство работало под председательством нового военного губернатора Сырдарьинской области генерал-лейтенанта Михаила Яковлевича Романова, которого в 1911 году

сменил вновь назначенный военный губернатор Александр Семенович Галкин (РГИА, 1911, л. 2).

В 1908 году помещение Кауфманского приюта представляло собой: 4 спальни, одна комната для грудничков, две – для маленьких, но не грудных детей, так называемых ходунов, одна комната – для школы, столовая, рабочая, приемная, гардероб, рекреация ходунов, дневная комната для грудных детей, четыре комнаты для надзирательниц, кухня, чулочная мастерская, баня, прачечная, лазарет на 5 кроватей (РГИА, 1908, л. 3 об.).

В отчете Сырдарьинского попечительства за 1909 год отмечалось, что благодаря энергии и заботам нового директора Кауфманского приюта Степана Яковлевича Бердина, приложившего много сил «на изыскание мер по уменьшению расходов», денежные средства приюта сильно поднялись, что дало возможность попечительству пристроить к главному корпусу «отличавшееся по изяществу и архитектуре здание, ныне сдаваемое в аренду по 670 р. в год» (РГИА, 1909, л. 4 об.).

В 1911 году деньги от народных гуляний, устроенных в городах Туркестан и Перовск, были внесены в государственную сберегательную кассу на книжку попечительства для образования в 1912 г. особых сумм для нужд приютов (РГИА, 1911, л. 4). В 1912 году кроме организованных в городах Туркестане и Перовске комитетов для сбора пожертвований в пользу Сырдарьинского попечительства был открыт третий – в г. Чимкенте. В том году Перовским и Чимкентским комитетами были устроены народные гулянья с лотереей аллегри, в результате чего было выручено чистой прибылью от Перовского комитета – 1025 руб., и от Чимкентского 1049 руб. В Ташкенте 6 мая 1912 г. также было устроено народное гулянье с лотереей аллегри, которое дало чистой прибылью 4529 р. 20 коп. В уездных городах был устроен праздник цветов, от которого было получено чистой прибылью 3548 р. 02 коп. (РГИА, 1912, л. 1 об. – 2).

В 1913 году, кроме организованных ранее в Перовске, Туркестане, Чимкенте и Ташкенте комитетов для сбора пожертвований, были открыты еще 13 участковых комитета, что привело к увеличению пожертвований в пользу Сырдарьинского попечительства (РГИА, 1913, л. 2).

Начавшаяся в июле 1914 года Первая мировая война отвлекла внимание всех общественных организаций, в том числе и Сырдарьинского попечительства, на заботу о больных и раненых воинах и их семьях. Это помешало продолжить увеличение средств попечительства, так успешно начатое в прошлые 1912 и 1913 годы. Но, тем не менее, местными комитетами и самим попечительством было устроено несколько народных гуляний и вечеров (РГИА, 1914, л. 2 об.). В том году Сырдарьинским попечительством было проведено 7 заседаний.

В декабре 1914 года за усердие и особые заслуги императором Николаем II была награждена почетный член Сырдарьинского попечительства дворянка Клавдия Митрофанова, работавшая зубным врачом в Кауфманском приюте;

ей была пожалована золотая медаль для ношения на груди на Аннинской ленте. Также был награжден почетный старшина приюта им. Кауфмана крестьянин Семен Афиногентов, которому была пожалована серебряная медаль для ношения на груди на Станиславской ленте (РГИА, 1914, л. 3).

1915 годом завершаются отчеты Сырдарьинского попечительства. В этом году, учитывая ситуацию в стране, ведущей военные действия, было проведено 9 заседаний (РГИА, 1915, л. 4 об.). В декабре были пожалованы награды императором Николаем II за особые заслуги почетному члену попечительства сарту Арифджану Маллябаеву, состоявшему в попечительстве с самого начала его создания; ему была вручена золотая медаль для ношения на шее на Андреевской ленте. Были также вручены награды почетному старшине детского приюта им. Кауфмана татарину Юсупу Хусаинову – серебряная медаль для ношения на шее на Владимирской ленте, и попечительнице Кауфманского детского приюта вдове действительного статского советника Екатерине Хомутовой. Ей еще в октябре был пожалован Мариинский знак отличия беспорочной службы за 15 лет (РГИА, 1915, л. 5).

Последним директором Кауфманского приюта 11 июля 1915 г. был назначен Павел Андреевич Поляков (РГИА, 1915, л. 6 об.).

Социальный состав, численность и конфессиональная принадлежность воспитанников Кауфманского и Александровского приютов

В Александровском приюте призревались только мальчики. В 1897 году их было 14, за год выбыло 11 и принято 8. Таким образом, к началу 1898 года в приюте было 11 мальчиков. Численность детей в приюте варьировалась, но несущественно. К началу XX века в приюте находилось 14 воспитанников (РГИА, 1897–1900, л. 34). По вероисповеданию все мальчики были православными. В 1903 году в приют был принят мальчик-лютеранин (РГИА, 1903, л. 2 об.), происходивший из нижних воинских чинов (РГИА, 1903, л. 12 об.).

В 1897 году в Кауфманском приюте призревалось 5 мальчиков и 48 девочек, за год выбыло 4 мальчика и 15 девочек, но принято было 4 мальчика и 16 девочек, так что на начало 1898 года в приюте было 5 мальчиков и 49 девочек. В конце года девочек было уже 53 и 6 мальчиков (РГИА, 1897–1900, л. 21).

В отчете Сырдарьинского областного попечительства указывается, что три девочки из Кауфманского приюта были взяты родственниками, три вернулись к родителям, «поправившим свое материальное положение», три девочки были взяты посторонними лицами на воспитание или в услужение, две девочки вышли замуж, – и четыре девочки умерли. О выбывших мальчиках в отчете не уточняется, к какому приюту они относились; указано, что 10 мальчиков вернулись к родителям, три мальчика взяты посторонними лицами

на воспитание или в услужение, два мальчика умерли. По вероисповеданию мальчики были православными, из девочек две были католичками, остальные православными.

В ежегодных отчетах Сырдарьинского областного попечительства отмечается, что в течение года число детей то увеличивается, то уменьшается. Часто указывалось, что дети возвращались к родителям, «поправившим свое материальное положение». К началу XX века в Кауфманском приюте находилось 6 мальчиков и 49 девочек. Дети были православного вероисповедания за исключением одной девочки, которая была католичкой. В 1903 году помимо девочки-католички появились 1 девочка-мусульманка (из крестьян) (РГИА, 1903, л. 12) и одна – лютеранка (РГИА, 1903, л. 2 об.) В 1909 году в Александровском приюте находились три мальчика-католика (РГИА, 1909, л. 9). В 1910 году в Кауфманском приюте находились две девочки-католички (РГИА, 1910, л. 9 об.).

К началу XX в. в обоих приютах находились дети разных возрастов: пятеро возрастом 1–3 года (3 мальчика, 2 девочки), 12 (7 мальчиков, 5 девочек) – от 3 до 7 лет, 41 (14 мальчиков и 27 девочек) составляли возраст от 7 до 15 лет, и девять девочек 15–17 лет (РГИА, 1897–1900, л. 34 об.). Как видно, большинство составлял контингент от 7 до 15 лет.

В 1902 году в Кауфманском приюте призревалося 8 мальчиков и 56 девочек. К 1903 году число мальчиков уменьшилось до пяти, а девочек, напротив, возросло до 59. Все дети были православного вероисповедования, кроме одной девочки-католички. Трое детей (два мальчика и одна девочка) имели возраст меньше года (РГИА, 1902, л. 4). Самой взрослой была девочка семнадцати лет (РГИА, 1902, л. 4 об.). Кстати, она оставалась в приюте и на следующий год, в восемнадцатилетнем возрасте (РГИА, 1903, л. 3). В Александровском приюте число мальчиков к 1903 году уменьшилось с 18 до 16. В отчете Сырдарьинского попечительства сказано, что 16 мальчиков и 9 девочек из обоих приютов выбыли к родственникам, родителям и переданы на воспитание в семьи (РГИА, 1903, л. 4 об.). Их место заняли другие дети.

По достижению 17-летнего возраста детей определяли на рабочие места или увольняли к родственникам. Девочки часто выходили замуж, приданое получали из средств Попечительства на сумму 50 рублей.

По приведенным ниже таблицам можно судить о возрастании численности призреваемых детей в обоих приютах.

Численность к 1 января	Мальчики	Девочки
1897 г.	5	48
1898 г.	5	49
1899 г.	6	53
1900 г.	7	46
1901 г.	6	49
1902 г.	8	56
1903 г.	5	59
1904 г.	7	60
1905 г.	13	58
1906 г.	17	61
1907 г.	9	63
1908 г.	11	60
1909 г.	11	54
1910 г.	9	43
1911 г.	12	40
1912 г.	17	41
1913 г.	21	47
1914 г.	13	51
1915 г.	11	53
1916 г.	15	68

Таблица 1. Численность призреваемых детей в Кауфманском приюте
 (РГИА, 1897-1900, л. 2 об., 21, 34, 54 об.; 1902, л. 4 об.; 1903, л. 2 об.; 1904, л. 2 об.; 1905, л. 3 об.;
 1906, л. 3 об.; 1907, л. 9 об.; 1908, л. 2 об.; 1909, л. 3 об.; 1910, л. 3 об.; 1911, л. 2 об.; 1912, л. 1 об.;
 1913, л. 6 об.; 1914, л. 7 об.; 1915, л. 9 об.)

Table 1. The number of children being cared for in the Kaufman orphanage
 (RSHA, 1897-1900, L. 2 vol., 21, 34, 54 vol.; 1902, L. 4 vol.; 1903, L. 2 vol.; 1904, L. 2 vol.; 1905, L. 3
 vol.; 1906, L. 3 vol.; 1907, L. 9 vol.; 1908, L. 2 vol.; 1909, L. 3 vol.; 1910, L. 3 vol.; 1911, L. 2 vol.; 1912,
 L. 1 vol.; 1913, L. 6 vol.; 1914, L. 7 vol.; 1915, L. 9 vol.)

Численность к 1 января	Мальчики
1897 г.	14
1898 г.	11
1899 г.	13
1900 г.	14
1901 г.	нет данных
1902 г.	18
1903 г.	16
1904 г.	18
1905 г.	22
1906 г.	28
1907 г.	26
1908 г.	24
1909 г.	32
1910 г.	35
1911 г.	26
1912 г.	26
1913 г.	29
1914 г.	30
1915 г.	32
1916 г.	32

Таблица 2. Численность призреваемых детей в Александровском приюте
(РГИА, 1897-1900, л. 2 об., 21, 34, 54 об.; 1902, л. 4 об.; 1903, л. 2 об.; 1904, л. 2 об.; 1905, л. 3 об.; 1906, л. 3 об.; 1907, л. 9 об.; 1908, л. 2 об.; 1909, л. 3 об.; 1910, л. 3 об.; 1911, л. 2 об.; 1912, л. 1 об.; 1913, л. 6 об.; 1914, л. 7 об.; 1915, л. 9 об.)

Table 2. The number of children being cared for in the Alexander orphanage
(RSHA, 1897-1900, L. 2 vol., 21, 34, 54 vol.; 1902, L. 4 vol.; 1903, L. 2 vol.; 1904, L. 2 vol.; 1905, L. 3 vol.; 1906, L. 3 vol.; 1907, L. 9 vol.; 1908, L. 2 vol.; 1909, L. 3 vol.; 1910, L. 3 vol.; 1911, L. 2 vol.; 1912, L. 1 vol.; 1913, L. 6 vol.; 1914, L. 7 vol.; 1915, L. 9 vol.)

Социальный состав детей в приютах был весьма разнообразным. Например, согласно отчету Сырдарьинского попечительства, за 1902 год по Кауфманскому приюту одна девочка была дворянкой; кстати, она же являлась католичкой, девочка была круглой сиротой. 2 девочки происходили из семей офицеров, они были полусиротами, т. е. имели мать. 7 девочек были из семей чиновников, шесть из них были круглыми сиротами, одна имела мать.

Пожалуй, большинство детей были выходцами из мещан: одна из девочек была круглой сиротой, пятеро имели мать, один мальчик и пятеро девочек имели отца, у одной девочки были оба родителя. Из крестьян семь девочек были круглыми сиротами, три девочки имели мать, два мальчика и семь девочек – отца. Были и представители нижних воинских чинов: четыре девочки являлись круглыми сиротами, четыре – имели мать, пять – отца, одна девочка – обоих родителей. Два мальчика и шесть девочек были неизвестного происхождения и круглыми сиротами.

По Александровскому приюту: один мальчик был дворянского происхождения и имел мать. Два мальчика принадлежали к чиновничеству: один был круглым сиротой, другой имел мать. Из мещан – четверо имели мать, один – отца. Из крестьян трое имели мать, один – отца. Представителей нижних воинских чинов было два мальчика, имевших мать. Два мальчика были неизвестного происхождения и круглыми сиротами (РГИА, 1902, л. 15).

Внутренний распорядок в приютах

В отчетах подробно описывается ежедневный рацион детей, которые получали утром на завтрак молоко или чай с хлебом, обед из двух блюд, ужин из одного блюда (как правило, жаркое или вареное мясо с овощами) и в семь часов вечера молоко или чай с молоком (РГИА, 1897–1900, л. 2 об.). В приютах шла трудовая жизнь со всеми ее запросами и способами их удовлетворения. Детей приучали к посильному физическому труду, в основном по уборке помещения. Воспитанники приютов следили за чистотой, старшие помогали меньшим и слабым. Детей учили «относиться с почтением и уважением к более опытным, помнить и отмечать хождением в церковь праздники, пользоваться в досужее время книгой» (РГИА, 1897–1900, л. 36).

Вся жизнь воспитанников в Кауфманском приюте шла по строгому расписанию. Дети были распределены на группы и дежурства. Воспитанницы приюта, за исключением маленьких девочек, дежурили в комнатах, накрывали на стол для обеда и чая, мыли посуду и помогали на кухне. Старшие девочки стирали белье, чинили его и мыли полы. Трудовые будни начинались в 6.30 утра. Каждая дежурная воспитанница должна была отправиться на свой пост для выполнения определенных обязанностей на кухне, в столовой и т.д. Уборка комнат заканчивалась в 8 часов – к утренней молитве, на которой все воспитанники «должны были собраться в приютском зале вымытыми, причесанными и прилично одетыми» (РГИА, 1897–1900, л. 35 об.).

После молитвы – чай, уборка посуды и приготовление к занятиям в школе и рукодельном отделении. Занятия продолжались с 9 до 12 часов, с 5-10 минутными перерывами. С 12 до 13 – обед и короткий отдых. А с 13 до 15 снова занятия. С 15 до 17 – игры и прогулки на свежем воздухе. С 17 до 18 – уроки пения и церковные спевки. С 19 до 20 приготовление уроков и занятие рукоде-

лием. В 20.00 – вечерний чай и молитвы. В 20.30 воспитанницы среднего возраста укладывались спать, а взрослые девушки до 22.00 занимались рукоделием, а затем ложились спать.

Все дети сырдарьинских приютов 7–14 лет обязательно обучались по утвержденным Министерством народного просвещения планам. Как следует из документов, мальчики Александровского приюта обучались в городских училищах по программам, утвержденным Министерством народного просвещения (РГИА, 1897–1900, л. 36). В Кауфманском приюте дети на месте изучали закон божий, русский язык, арифметику и пение. Воспитанники пели на клиросе в церкви при Туркестанской учительской семинарии и образовывали «весьма недурной хор» (РГИА, 1897–1900, л. 36). В рукодельном отделении воспитанницы учились кройке, шитью, вышиванию, вязанию. В 1907 году кроме рукоделия 5 воспитанниц обучались вязке чулок на машине (РГИА, 1907, л. 4 об.). Два раза в месяц топилась баня (РГИА, 1908, л. 3 об.), с 1911 года баню топили четыре раза в месяц, т.е. еженедельно (РГИА, 1911, л. 3 об.). На протяжении всех лет существования внутренняя жизнь приютов не менялась.

В 1902 году при Александровском приюте был разведен прекрасный фруктовый сад и небольшой огород, где дети в свободное от учебы время приучались к садоводству и огородничеству (РГИА, 1902, л. 6 об.).

В 1904 году по совету директора Кауфманского приюта татарка Биби Хадича Хусаинова пожертвовала приюту участок земли «мерой в 1 десятину 370 квадратных сажений». Он находился недалеко от Ташкента и был засажен талом, который в 1905 г. предполагалось вырубить и 30 сажений засадить акацией (РГИА, 1904, л. 3 об.).

В октябре 1911 года школа при Кауфманском приюте изменила характер домашней школы на одноклассное училище и перешла в ведение Министерства народного просвещения (РГИА, 1911, л. 3). В 1911–1912 г. учащихся было 40 человек, из них все являлись воспитанниками приюта, посторонние дети в школу не принимались. Закончили курс 4 воспитанника. В 1912–1913 г. учащихся было 32 человека, четверо из них сдали выпускные экзамены с хорошими баллами. Экзамены принимал педагогический персонал училища во главе с инспектором народных училищ Туркестанского края Д. Н. Люшиным. При сдаче экзамена присутствовали попечительница приюта Е. Л. Хомутова, директор приюта С. Я. Бердин и смотрительница Л. О. Любимова. Отчет подписан заведующей училищем Е. Сперанской. Закончившим учебный курс воспитанникам приюта выдавались свидетельства об окончании училища (РГИА, 1912, л. 43). В 1915 году в Кауфманском училище обучалось 33 человека. Последними его выпускниками были 5 человек, которые сдавали выпускные экзамены 30 апреля 1916 г. (РГИА, 1915, л. 37).

В декабре 1912 года, благодаря концерту, организованному почетным старшиной Кауфманского детского приюта В. И. Михалеком, в пользу приюта было

выручено 160 р. 79 коп. (РГИА, 1912, л. 2). В том же году часть участка земли Кауфманского детского приюта в количестве 1495, 4 кв. саженей была продана Ташкентскому отделению Государственного банка за 78416 руб. Эти деньги были обращены на постройку нового здания Кауфманского приюта на участке у села Никольское, к которой приступили со второй половины 1913 г. К 1915 году здание из жженого кирпича было возведено по проекту В. С. Гейнцельмана и Н. Н. Ботвинкина¹. К Никольской даче был прикуплен участок земли в 242,7 квадратных саженей. Было также расширено помещение приюта, находившееся в аренде общества взаимного кредита, благодаря чему арендная плата увеличилась с 666 руб. 67 коп. до 1000 руб. Первоначально постройка этого помещения и его последовательное расширение производились на средства данного общества по договору; планировалось, что через 10 лет это здание перейдет в полную собственность приюта (РГИА, 1912, л. 2), однако последующие события, связанные с революцией, не дали осуществиться этим планам.

Летом 1915 года была закончена затянувшаяся из-за начавшейся войны постройка нового дома Кауфманского детского приюта в селе Никольском. В октябре питомцы приюта начали осваиваться в новом здании. Новое помещение вмещало 250 детей. Как сказано в отчете Сырдарьинского попечительства за 1915 год, члены его прилагали все усилия для скорейшего окончания постройки, всячески стремясь устранить неблагоприятное влияние на детей условий городской жизни, создать для них обстановку нормальной сельской жизни и приучить их к тому труду, с которым они, вероятнее всего, встретятся в жизни по выходе из приюта. Для достижения этой цели на участке, принадлежащем приюту, было предложено создать молочную ферму, разбить огород и сад (РГИА, 1915, л. 4 об.).

На рождественских каникулах для воспитанников приютов устраивалась елка. Обычным явлением было приглашение на этот праздник некоторых горожан. Как отмечалось в отчете Сырдарьинского попечительства за 1900 год, связь горожан с воспитанниками приютов становилась крепче с каждым годом (РГИА, 1897–1900, л. 56 об.). После елки нередко устраивались чтения произведений отечественной литературы, доступных детскому пониманию, с иллюстрацией текста картинами волшебного фонаря.

Согласно отчету Сырдарьинского попечительства от 1907 года, в праздник Рождества Христова дети представили сказку «Среди цветов», костюмы к которой они изготовили самостоятельно из пожертвованного материала (РГИА, 1907, л. 11).

Деятельность приютов контролировалась местными властями. В 1899 году Кауфманский приют посетили генерал-губернатор Туркестанского края

1 Здание функционировало в качестве сиротского приюта до Октябрьской революции. В 1918–1931 гг. в его стенах действовала Образцовая трудовая школа имени Карла Либкнехта под руководством педагога-просветителя В. Ф. Лубенцова. В 1941–2017 годах постройку занимал Институт энергетики и автоматики. В связи с реконструкцией Мирзо-Улугбекского района в 2017 году было объявлено о разборе и переносе архитектурного памятника в центр столицы.

С. М. Духовской с супругой Варварой Федоровной, его помощник генерал-лейтенант Н. А. Иванов (будущий генерал-губернатор Туркестанского края) и бухарское посольство (РГИА, 1897–1900, л. 36 об.). В 1904 году Н. А. Иванов, уже будучи начальником края, нанес в приют визит с супругой, отметив особую домашнюю обстановку, царившую там (РГИА, 1904, л. 3 об.).

Для оплаты штата воспитателей, учителей и всей деятельности приютов с горожан и сельских жителей Сырдарьинской области собирали добровольные пожертвования. В отчетах обязательно обозначались суммы и вещи, внесенные разными гражданами в счет приютов. Так, например, в 1899 году супруга опального князя Николая Константиновича Романова, проживавшего в Ташкенте, Надежда Александровна Искандер, пожертвовала приюту 64 теплых платка (РГИА, 1897–1900, л. 47). Как следует из ведомости пожертвований, горожане жертвовали не только деньги и вещи, но и натуральные продукты. Многие предпочитали оставаться неизвестными (РГИА, 1902, л. 23–28).

Санитарно-медицинское состояние приютов

Санитарно-медицинское состояние приютов контролировали безвозмездно городские врачи города. Отчеты сохранили некоторые имена: врачи Кауфманского приюта – Янкель Борисович Магнетштейн и коллежский асессор Чеслав Юлианович Норвилло (РГИА, 1897–1900, л. 55), позже к работе в приюте были приглашены окулист Николай Иванович Оранский и зубной врач Клавдия Григорьевна Митрофанова (РГИА, 1903, л. 3). С 1905 года в приюте практиковал статский советник Георгий Иванович Гизлер (РГИА, 1905, л. 4 об.) с супругой Валентиной Георгиевной, работавшей фельдшерницей (РГИА, 1912, л. 2 об.), с 1907 года доктор медицины Моисей Ильич Слоним, врач Мария Васильевна Гобби (РГИА, 1907, л. 11), с 1909 года новый врач Борис Львович Зейдель (РГИА, 1909, л. 4). В Александровском приюте врачебную помощь оказывали коллежский советник Казимир Адамович Дысский (РГИА, 1897–1900, л. 55) и коллежский советник, а затем статский советник Иван Валерианович Богданов-Березовский (РГИА, 1903, л. 3).

Для амбулаторного лечения воспитанники получали лекарства частью бесплатно из городской аптеки, на что существовала особая норма, а частью лекарства приобретались на средства того или другого приюта (РГИА, 1897–1900, л. 55). Конечно, случались и эпидемии, борьба с которыми неустанно велась врачами. В отчете Сырдарьинского попечительства за 1902 год отмечалось, что прошедший год в отношении эпидемий был гораздо благоприятнее предыдущего. За исключением гриппа, никаких больше эпидемий не было. Из заразных заболеваний отмечается только рожа, которую удалось довольно быстро ликвидировать в декабре 1902 года.

1903 год, напротив, был менее благоприятным в отношении эпидемий. Осенью распространилась скарлатина; правда, она не унесла ни одной жизни, но вызвала массу хлопот и расходов (РГИА, 1903, л. 3 об.). В 1904 году в Средней Азии разразилась эпидемия холеры. В Кауфманском и Александровском приютах были приняты все меры по дезинфекции. Отпуска детей домой на праздники были прекращены. Изменено пищевое довольствие по совету врача. При поступлении в приюты детей, родители которых умерли от холеры, производилась самая строгая дезинфекция (РГИА, 1904, л. 4). Таким образом, жертв удалось избежать.

В 1905 году никаких повальных болезней не наблюдалось, исключая грудных детей, смертность среди которых возросла (РГИА, 1905, л. 4 об.); то же отмечается и по 1906 году (РГИА, 1906, л. 4 об.). Среди детей старшего возраста смертельные случаи стали редкостью, но и они случались. Так, в 1911 году скончался мальчик в Александровском приюте, однако в отчете не объясняется причина смерти (РГИА, 1911, л. 11). В 1912 году в Кауфманском приюте среди детей старше 7 лет корью болело 22 человека, из них у одной девочки после кори было воспаление легких, окончившееся смертельным исходом. Глистами болело 4 человека (РГИА, 1912, л. 9 об.). В 1914 году в Кауфманском приюте скончался маленький мальчик (ходун); к сожалению, нет сведений о том, сколько ему было лет (РГИА, 1914, л. 2 об.).

В начале лета 1902 года наиболее ослабленные лихорадкой и малокровием дети (6 человек) были отправлены на Чимганскую санитарную станцию. Курорт Чимган был основан в 1879 году по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края К. П. фон Кауфмана для лечения солдат, страдавших от малярии. Это урочище находилось в горах, и чистый горный воздух и кумысолечение оказывали положительное воздействие на больных. В Чимгане дети питались за счет лазаретной кухни и получали кумыс. Влияние горного климата и усиленное питание благоприятно отразилось на общем состоянии детей. Однако у одной девочки, страдавшей приступами болотной лихорадки, в Ташкенте и Чимгане было несколько пароксизмов малярии (РГИА, 1902, л. 5).

С тех пор отправка ослабленных детей на Чимган для поправки здоровья стала нормой. В 1903 году на Чимган для лечения был отправлен 21 ребенок (РГИА, 1903, л. 3 об.). В 1904 году на Чимган был отправлен уже 31 ребенок. В 1905 году – 35 детей (РГИА, 1905, л. 4 об.), в 1906 году – 25 детей (РГИА, 1906, л. 4 об.), в 1907 – 30 человек на 2 месяца (РГИА, 1907, л. 4 об.).

Отделение для малолетних детей при Кауфманском приюте

В марте 1900 года при Кауфманском приюте было создано отделение для малолетних. Это были грудные дети, которым нужно было особое внимание и питание. Дети получали молоко кормилиц. Очень часто такую

женщину найти было невозможно, поэтому грудные дети получали коровье молоко и суррогаты – «муку Нестля», одобренную медициной, под наблюдением врачей (РГИА, 1897–1900, л. 56 об.). В 1904 году были приобретены особые столы для пеленания грудных детей (РГИА, 1904, л. 3 об.).

Однако именно грудные дети чаще всего умирали. Детей часто подкидывали, они поступали в приют уже очень ослабленными, и спасти их не представлялось возможным. Так, в отчете Сырдарьинского областного попечительства за 1898 год указано, что из находившихся в приюте восьми грудных детей (три мальчика и пять девочек) за год умерло четверо (два мальчика и две девочки) (РГИА, 1897–1900, л. 21). А в 1899 году приют потерял трех грудных мальчиков и трех грудных девочек, вероятно, вновь прибывших (РГИА, 1897–1900, л. 34 об.). Согласно отчету, за 1900 год умерло четыре грудных мальчика и одна девочка (РГИА, 1897–1900, л. 55). В 1902 году умерло два мальчика и две девочки (РГИА, 1902, л. 4 об.). В 1903 году скончалось пять мальчиков и шесть девочек (РГИА, 1903, л. 3), которые были очень ослабленными еще при поступлении в приют. За 1904 год скончалось уже 13 грудных детей (8 мальчиков и 5 девочек) (РГИА, 1904, л. 3). В 1905 году скончалось 27 грудных детей (14 мальчиков, 13 девочек) (РГИА, 1905, л. 4).

На такую прогрессирующую смертность не обращать внимания было уже нельзя. В отчете Сырдарьинского попечительства поверх печатного текста отмечено синим карандашом «NB», красным карандашом от руки выписано название приютов и их отношение к Сырдарьинской области (РГИА, 1905, л. 4 об.). Та часть отчета, где говорится об искусственном вскармливании грудных детей, обведена синим карандашом. Видимо, в ведомстве императрицы Марии этому уделили самое серьезное внимание (РГИА, 1905, л. 5 об.). Однако в следующем 1906 году смертность среди грудничков еще больше возросла, составив уже 35 человек (15 мальчиков, 20 девочек) (РГИА, 1906, л. 4 об.). В 1907 году она составила 38 человек (20 мальчиков и 18 девочек) (РГИА, 1907, л. 4). Начиная с этого года, отчет по отделению малолетних детей Кауфманского приюта представлялся отдельно, вероятно, из-за высокой смертности грудничков (РГИА, 1907, л. 11 об.). В отчете отмечается, что в январе 1907 года в отделении оставалось 3 мальчика и 4 девочки. В течение года поступило 27 мальчиков и 26 девочек, из которых умерло 19 мальчиков и 19 девочек (в общем отчете сказано, что 20 мальчиков и 18 девочек). Выбыло 7 мальчиков и 7 девочек; не сказано, куда. Можно предположить, что они отданы на воспитание в семьи. К 1908 году оставалось 4 мальчика и 4 девочки. Впервые приводятся сведения о нянях. К 1907 году их было 6, поступило в течение года 22, и 21 уволились. Осталось 7 нянь и одна надзирательница (РГИА, 1907, л. 11 об.). Данные сведения свидетельствуют о большой текучести кадрового состава нянь.

В отчете приведены сведения по содержанию грудного отделения Кауфманского приюта. Жалование служащих было следующим: надзирательница

получала 180 рублей, няня – 713 руб.89 коп., прачка – 120 рублей (РГИА, 1907, л. 11 об.). Таким образом, жалование няни было довольно высоким. Кроме жалованья, служащие получали бесплатно обед и ужин, ежемесячно ½ фунта чая, 4 фунта сахара, и ежедневно одну булку, что в денежном выражении составляло 39 рублей 85 коп. Помимо того, каждой няне и прачке в день полагалось черного хлеба 1 фунт, и белого 2 фунта и ежемесячно 2 фунта сахара и ¼ фунта чая, что в год для каждой составляет 1514 рублей 80 коп. (РГИА, 1907, л. 12). Обеспечение детей составляло: молоко – 219 руб., отопление – 196 руб., освещение 54 руб. 75 коп. В статье «разные расходы» значились гробы, кресты, похороны, свечи – 140 руб., медикаменты – 73 руб. 68 коп., распашонки, пеленки, одеяла – 112 руб., мыло 57 руб. 60 коп. (РГИА, 1907, л. 12).

В 1910 г. смертность среди маленьких детей Кауфманского приюта продолжала прогрессировать: умерло 24 мальчика и 30 девочек грудного возраста, а также скончались 2 мальчика и 4 девочки из ходунов. В примечании к отчету Сырдарьинского попечительства по отделению малолетних детей сказано, что из 83 грудных детей, принятых в приют, большую часть составляют подкидыши, а именно, 69 детей поступили в безнадежном состоянии, чем и объясняется их большая смертность. В течение 1910 г. умерло также 6 ходунов 5-6 летнего возраста, 1 – из числа поступивших в грудное отделение, а 5 из числа вновь поступивших в приют в «заморенном» виде вследствие свирепствовавших в городе эпидемических заболеваний – кори, скарлатины и дифтерита. Так же объяснялась возросшая смертность среди детей грудничкового возраста в 1911 году. В том году скончались 33 девочки и 24 мальчика (РГИА, 1910, л. 8 об. – 9).

К сожалению, смертность среди маленьких детей не удалось остановить и в последующие годы. В отчете Сырдарьинского попечительства за 1912 год указано, что за истекший год умерло 32 девочки и 27 мальчиков. Помимо стандартного объяснения, что из 86 грудных детей – 76 подкидышей, большинство из которых поступило в приют в безнадежном состоянии (РГИА, 1912, л. 7 об. – 8), впервые представлен подробный отчет о заболеваниях детей, вызвавших смерть. «От острого поноса скончалось 14 детей, от грьжи – 1, родимчик (эклампсия) – 3, острое воспаление кишок – 6, истощение – 9, желтуха – 3, от наследственного сифилиса – 6, от кори – 1, воспаление легких – 2, водянка – 1, от рахита – 9, недоносков – 1, от больных матерей – 3... Из подкинутых детей было 10 человек здоровых, а остальные поступили в приют в грязном виде, с сильным воспалением глаз, с синими пятнами на теле и очень быстро умирали» (РГИА, 1912, л. 9). Многие дети умерли от эпидемии поноса, в жаркие месяцы (май, июнь, июль, первая половина августа) много детей погибает от этого заболевания и у матерей в благополучных семьях. Также был подкинут ребенок со сломанной рукой и искривленными ногами. 9 человек были несомненными рахитиками и 6 человек с наследственным сифилисом. Отчет был составлен и подписан фельдшерницей В. Г. Гизлер (РГИА, 1912, л. 9 об.).

Из грудных детей на воспитание было взято 8 девочек и 10 мальчиков (РГИА, 1912, л. 9).

В 1913 году ситуация со смертельными исходами среди грудничков оставалась прежней. Из 118 грудных детей умерло 87: от острого воспаления кишок – умерли 42 ребенка, от истощения на почве рахита – 38, от наследственного сифилиса – 4, от желтухи – 2, от воспаления легких – 1 (РГИА, 1913, л. 7 об.).

В 1914 году из 111 грудных детей, находившихся в приюте, 88 было подкидышей со всеми вытекающими обстоятельствами. В этот год умерло 49 девочек и 32 мальчика (РГИА, 1914, л. 7 об. – 8). Смерть наступила от острого катара кишок – у 65 детей, от воспаления легких – 4, рожи – 1, наследственного сифилиса – 3, эпилепсии – 5, и три ребенка были подкинута больными (РГИА, 1914, л. 8 об.). Три ребенка были отданы на воспитание в семьи, 16 – возвращены родным, 6 переведены в отделение ходунов (РГИА, 1914, л. 12).

В 1915 году в числе 119 грудных детей – 85 было подкидышей. В том году скончалось 46 девочек и 38 мальчиков. Причины смерти были теми же, что и в прошлые годы (РГИА, 1915, л. 9 об. – 10). Еще 6 грудничков были переданы на воспитание семьям, и 10 возвращены родным (РГИА, 1915, л. 14).

Выводы

Сырдарьинское попечительство детских приютов Туркестанского генерал-губернаторства работало в полном соответствии с теми требованиями, которые предъявлялись в Российской империи ко всем учреждениям такого рода. К нему относились два детских приюта, располагавшиеся в городе Ташкенте – Кауфманский и Александровский. Все проблемы приютов обсуждались на заседаниях попечительств, а затем решались в установленном порядке. Производились постройки, ремонты помещений, закупались новая мебель и оборудование. Особо отличившиеся работники попечительства были представлены к награждению с соизволения императора Николая II.

Социальный состав детей в приютах был различным, большинство составляли мещане, крестьяне и дети нижних воинских чинов. Численность варьировалась в течение ряда лет, имея тенденцию к повышению, которое было незначительным. Конфессиональная принадлежность была однородной, почти все дети были православного вероисповедования, иногда встречались католики, лютеране, и одна девочка в Кауфманском приюте была мусульманкой.

Внутренний распорядок в приютах строго соблюдался, его правила ничем не отличались от приютов ведомства императрицы Марии, находившихся в центре Российской империи. В интересах социализации детей приучали к физическому труду, чтобы по выходу из приюта они могли себя обеспечить. Приюты существовали на средства Сырдарьинского попечительства, на пожертвования горожан, а также на заработанные самими детьми деньги,

которые выручали от продажи чулочных изделий, шитья взрослых воспитанниц приютов, лотерей аллегри и концертов, проводимых воспитанниками.

За санитарно-медицинским состоянием детей приютов следили врачи, как общей практики, так и узкие специалисты, предоставлявшие свои услуги безвозмездно. Отчеты Сырдарьинского попечительства сохранили имена некоторых врачей, самоотверженно боровшихся с эпидемиями. Благодаря их усилиям, смертельные случаи среди воспитанников были редким явлением. Исключение составляли дети грудного возраста.

Пожалуй, это была самая серьезная проблема. При Кауфманском приюте в 1900 году было создано отделение для маленьких детей, куда принимали грудничков. Часто это были подкидыши, которые поступали в критическом состоянии. Несмотря на все усилия врачей, смертность среди младенцев прогрессировала. К тому же дети не получали естественного для их возраста питания. Грудное молоко невозможно было найти из-за отсутствия кормилиц. А заменители питания, вероятно, не удовлетворяли потребностей полностью, поэтому многие дети умирали от желудочно-кишечных заболеваний. Сюда стоит добавить эпидемии, наследственные заболевания и изначально слабое здоровье подкидышей.

Таким образом, жизнь детских приютов Сырдарьинской области Туркестанского края ничем не отличалась от таких же учреждений в Российской империи. Надо сказать, что развитие подобных учреждений шло в соответствии с общероссийскими нормами. Это можно рассматривать, как достижение Россией целей фронтальной модернизации своих национальных окраин.

Список литературы

- Аликеева, Г. М., Шахиева, А. М., & Саятова, А. С. (2017). История попечительства и социальной защиты детей-сирот в г. Верном (1879-1917). *Вестник Казахского национального медицинского университета*, 3, 405-409.
- Брежнева, С. Н. (2023). Опыт работы первого детского приюта в Туркестане во второй половине XIX - начале XX в. (На примере Семиреченского попечительства). *Семья и детство в повседневной жизни: история и современность*, Т. 2, *Материалы международной научной конференции*, 6-8 апреля 2023 г., Санкт-Петербург, 50-56.
- Волков, И. В. (2017). Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: Историко-правовой аспект. *Власть*, 25(12), 137-142.
- Дашкевич, Л. А. (2018). Трудовое воспитание в сельских приютах Пермской губернии в конце XIX - начале XX века. *Педагогическое образование в России*, 5, 6-12. <https://doi.org/10.26170/po18-05-01>
- Заколodная, В. Н. (2011). Государство и общество в деле организации социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии во второй половине XIX начале XX в. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 4(3), 145-150.

- Ковалева, Л. А. (2008). Детские приюты как форма помощи бедным в Костромской губернии. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 14(5), 237–242.
- Морозова, Е. В. (2014). Система социальной помощи детям-сиротам в Казанской губернии в период земства. *Вопросы современной педиатрии*, 13(5), 14–16.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. СПб. (1840). Т. XIV. № 13031.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. СПб. (1894). Т. XI. № 7930.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. СПб. (1896). Т. XVI. № 13518.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. СПб. (1899a). Т. XV. № 12103.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. СПб. (1899b). Т. XVI. № 12591.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1897-1900). Ф. 763. Оп. 3. Д. 59.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1902). Ф. 763. Оп. 3. Д. 129.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1903). Ф. 763. Оп. 3. Д. 190.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1904). Ф. 763. Оп. 3. Д. 251.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1905). Ф. 763. Оп. 3. Д. 313.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1906). Ф. 763. Оп. 3. Д. 376.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1907). Ф. 763. Оп. 3. Д. 436.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1908). Ф. 763. Оп. 3. Д. 494.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1909). Ф. 763. Оп. 3. Д. 554.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1910). Ф. 763. Оп. 3. Д. 616.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1911). Ф. 763. Оп. 3. Д. 684.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1912). Ф. 763. Оп. 3. Д. 749.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1913). Ф. 763. Оп. 3. Д. 810.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1914). Ф. 763. Оп. 3. Д. 870.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1915). Ф. 763. Оп. 3. Д. 896.
- Савчук, Г. В. (2006). Детские приюты в системе учреждений императрицы Марии (по материалам государственного архива Ростовской области). *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 3, 31–37.
- Селютина, Е. Н. (2014). Создание и деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны по призрению детей в Орловской губернии XIX начала XX вв. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 1, 331–335.
- Сиренко, Ю. В. (2008). Организация трудового воспитания и профессиональной подготовки в детских приютах Уфимской губернии конца XIX – начала XX веков. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 8, 82–91.
- Слугина, Н. В. (2012). Благотворительные социально–Педагогические заведения для детей в Туле и Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 3, 448–453.

References

- Alikeeva, G. M., Shakhieva, A. M., & Sayatova, A. S. (2017). Istoriya popechitel'stva i sotsial'noy zashchity detey-sirot v g. Vernom (1879-1917). *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo meditsinskogo universiteta*, 3, 405-409. (In Russian).
- Brezhneva, S. N. (2023). Opyt raboty pervogo detskogo priyuta v Turkestane vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (Na primere Semirechenskogo popechitel'stva). *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'*, T. 2, *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 6-8 aprelya 2023 g., Sankt-Peterburg, 50-56. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 2. St. Petersburg. (1840). Vol. XIV. No 13031. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 3. St. Petersburg. (1894). Vol. XI. No 7930. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 3. St. Petersburg. (1896). Vol. XVI. No 13518. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 3. St. Petersburg. (1899a). Vol. XV. No 12103. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Coll. 3. St. Petersburg. (1899b). Vol. XVI. No 12591. (In Russian).
- Dashkevich, L. A. (2018). Labor Education in the Rural Shelters of the Perm Province in late XIX – early XX centuries. *Pedagogical Education in Russia*, 5, 6-12. <https://doi.org/10.26170/po18-05-01> (In Russian).
- Kovaleva, L. A. (2008). Detskie priyuty kak forma pomoshchi bednym v Kostromskoy gubernii. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 14(5), 237-242. (In Russian).
- Morozova, E. V. (2014). The System of Social Assistance to Orphans in Kazan Province During the Zemstvo (Local Government in Russia). *Current Pediatrics (Moscow)*, 13(5), 14-16. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1897-1900). F. 763. In. 3. C. 59. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1902). F. 763. In. 3. C.129. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1903). F. 763. In. 3. C. 190. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1904). F. 763. In. 3. C. 251. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1905). F. 763. In. 3. C. 313. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1906). F. 763. In. 3. C. 376. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1907). F. 763. In. 3. C. 436. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1908). F. 763. In. 3. C. 494. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1909). F. 763. In. 3. C. 554. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1910). F. 763. In. 3. C. 616. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1911). F. 763. In. 3. C. 684. (In Russian).

- Russian State Historical Archive (RSHA). (1912). F. 763. In. 3. C. 749. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1913). F. 763. In. 3. C. 810. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1914). F. 763. In. 3. C. 870. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1915). F. 763. In. 3. C. 896. (In Russian).
- Savchuk, G. V. (2006). Detskie priyuty v sisteme uchrezhdeniy imperatritsy Marii (po materialam gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoy oblasti). *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, 3, 31–37. (In Russian).
- Seliutina, E. N. (2014). Creation and Activities of Establishment of Department of the Empress Maria Fedorovna for Contempt of Children in the Oryol Province of Sulfurs. XIX – the Head of the XX centuries. *Scientific Notes of Orel State University*, 1, 331–335. (In Russian).
- Sirenko, Yu. V. (2008). The Organisation of Labour and Professional Training in the Orphanages of Ufàs Province, in the Late 19th – Early 20th Century. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 8, 82–91. (In Russian).
- Slugina, N. V. (2012). Charitable Social and Pedagogical Institutions for Children in Tula and Tula Province at the end of XIX – the beginning of XX centuries. *Izvestiya Tula State University*, 3, 448–453. (In Russian).
- Volkov, I. V. (2017). On Institutions of Public Charity in Turkestan: Historical-Legal Aspect. *Vlast'*, 25(12), 137–142. (In Russian).
- Zakolodnaja, V. N. (2011). State and Society in the Organization of Social Help to Orphans in St. Petersburg and the Province During the Second Half of XIX – early XX centuries. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 4(3), 145–150. (In Russian).